

УДК 332

Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Фёдоров Р.Ю.

Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления

**Tyumen oil and gas civilization:
Historical and geographical outline of the formation**

Становление Тюменской области в качестве объекта нефтегазодобывающей цивилизации представлено не только как результат нового индустриального освоения, но и как итог предшествовавших ему цивилизационных волн (соледобычи, пушного промысла, горнозаводской промышленности, развития лесного хозяйства). В основе предложенного подхода – ретроспективный анализ организационно-производственных форм колонизации и соответствующих структур расселения, образующих цивилизационный ландшафт.

Ключевые слова: *Освоение Урала и Сибири, соледобыча, пушной промысел, горнозаводская цивилизация, маршруты колонизации, опорный каркас расселения, цивилизационный ландшафт*

Formation of the Tyumen region as the object of oil-gas producing civilization is represented not only as a result of new industrial development, but also as a result of its predecessor civilizational waves (salt production, the fur trade, mining industry, forestry). The basis of this approach has ready retrospective analysis of organizational and industrial forms of colonization and appropriate settlement patterns that make civilization landscape.

Key words: *The development of the Urals and Siberia, salt production, pro-fur mysel, mining civilization, colonization routes, the reference frame of settlement, civilization landscape*

Индустриальное наступление на нефтегазонасыщенный Тюменский север, от начала которого нас отделяет чуть более полувека, явилось не только мощным фактором развития производительных сил, оно преобразило ландшафт этих мест, привело к формированию крупных поселенческих образований, создало совершенно особую духовную ситуацию. За короткий по историческим меркам срок на Тюменской земле сформировался уникальный цивилизационный комплекс, ориентированный преимущественно на добычу и транспорт нефти и газа. Для него

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*). **E-mail:** gamig@gala.net
МАРКОВА Лариса Михайловна, к.т.н., доцент кафедры транспорта углеводородных ресурсов Тюменского нефтегазового университета (*г. Тюмень*). **E-mail:** markova@tsogu.ru
ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, к.ф.н., старший научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН (*г. Тюмень*). **E-mail:** r_fedorov@mail.ru

характерны: преобладание добывающей промышленности с её привязкой к конкретному месту, утилитарное отношение к природной среде, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий и др.

Не менее важен и тот добровольный массовый порыв, который привёл на некогда безлюдные земли не энтузиастов-одиночек, а сотни тысяч людей. Здесь они становятся агентами огромного индустриального конвейера. По образу и подобию производственных технологий создаётся система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации труда распространяются на остальные сферы жизнедеятельности. Даже место жительства – это, как правило, ведомственный посёлок с проецируемой на него производственной иерархией.

Такое единство человека и технологии, обоюдно укоренённых как в природной, так и в социальной среде нефтегазового комплекса позволяет рассматривать Тюменскую область в качестве особого социально-территориального объекта – *нефтегазодобывающей цивилизации*. Подобное рассмотрение – это не преувеличение и не претензия на авторскую новацию. Скорее, речь может идти об аналогии с горнозаводской цивилизацией Урала. Правда, в последнее время понятие горнозаводской цивилизации получило преимущественно публицистическое звучание, но это несколько не снижает его эвристической значимости. Как известно, ещё в 1926 году профессор Пермского университета П.С. Богословский впервые ввёл это обозначение, характеризуя сформировавшуюся в XVIII–XIX вв. на Урале систему производства-расселения, состоящую из более чем двухсот городов-заводов. [2, с. 20]. Он показал, что речь идёт не просто об экономическом районе, а о самобытном социально-территориальном комплексе, обладающем уникальными особенностями материальной культуры и духовной жизни.

Мы же видим свою задачу в том, чтобы, опираясь на данный пример, показать, что каким бы масштабным и внушительным ни выглядело здание нефтегазодобывающей цивилизации, возникло оно не на пустом месте. В фундаменте этого здания – промышленный опыт горных заводов Урала, соединённый со всем строем их жизни. Но не только он, поскольку явился важным, но не единственным эпизодом в череде колонизационных волн, заложивших основы цивилизационного ландшафта Урала и Западной Сибири и оставивших свой след на территории современной Тюменской области. Конспективно рассмотрим эти эпизоды в исторической последовательности.

Соледобывающая цивилизация. Разработка месторождений соли несомненно стала одним из импульсов продвижения России на Север и Восток. Вначале этим занимались отдельные мелкие промышленники. В дальнейшем лидирующее положение приобрела династия солепромышленников Строгановых. С их деятельностью связано развитие Сольвычегодска, занимавшего в XVI – XVII вв. ключевое место в промышленной добыче соли и солеварении. В 1558 году Строгановы получили царскую грамоту на владение приуральскими и прикамскими землями, а в 1564 ими было основано поселение Кергедан, получившее затем название Орёл-городок (именно отсюда на покорение Сибирского ханства отправился отряд Ермака, охранявший соляные вотчины Строгановых). В 1606 году рядом с ним был создан важный центр солеварения – Усолъе. Другим, ещё более старым и крупным центром в Северном Прикамье являлся город Соликаамск, основанный в XV веке промышленниками Калиниковыми. Здесь начиналась знаменитая Бабиновская

дорога, построенная в 1597 году.

Выбор места для строительства этих городов вблизи месторождений, необходимость производственно-организационных связей и путей сообщения между ними предопределили кустовой характер расселения (рис. 1).

Правда, не всегда выбор места был удачен с точки зрения природно-климатических условий. Известна борьба Строгановых с паводками и затоплениями Сольвычегодска. Аналогичные сложности возникали и в Орёл-городке. Но борьба со стихией только укрепляла людей в стремлении утвердить на этих землях промышленные формы хозяйствования. Тем самым соледобывающая промышленность отчасти вопреки природе, но в основном естественным образом способствовала заселению и обживанию новых территорий, становилась оплотом государственности, подготавливала форпосты для будущего освоения Сибири. В сочетании производительных способов деятельности с естественными формами укоренения людей и состоит её цивилизационный потенциал.

Несмотря на своё периферийное положение, многие города – центры соледобычи стали важными культурными центрами. В XVI-XVII веках соль была прибыльным и стратегически значимым товаром. Весомая часть доходов солепромышленников нередко шла на поддержку прикладных художественных промыслов, на строительство храмовых и гражданских сооружений, являвших собой выдающиеся образцы зодчества (*строгановский стиль* в архитектуре и в иконописи и др.).

В дальнейшем судьба этих городов сложилась по-разному. На протяжении XVIII-XIX столетий их экономическое значение стало уменьшаться. Отчасти это было связано с введением Петром I в 1705 году государственной соляной монополии, ограничивавшей деятельность частных промышленников, но в основном с открытием ряда новых месторождений, расположенных значительно южнее. Благодаря этому валовая добыча существенно возросла, и соль стала более доступным и менее прибыльным товаром. А поскольку себестоимость её добычи на южных месторождениях была намного ниже, это сразу же отразилось на характере жизни большинства соледобывающих городов Русского Севера. С резким падением, а затем и полным прекращением соледобычи

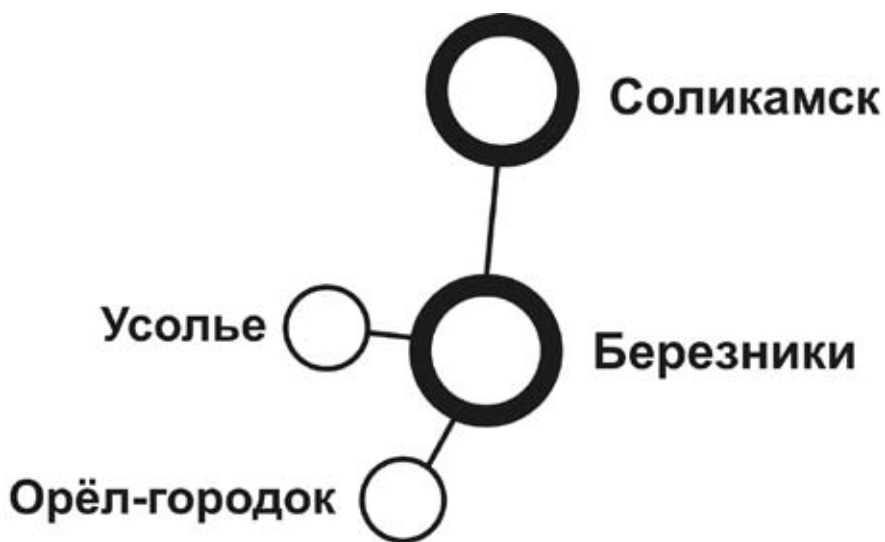

Рис. 1. Кустовая структура расселения в районах соледобычи Северного Прикамья

они стали угасать. В них почти не осталось промышленных предприятий. Только мелкое кустарное производство продолжало обслуживать потребности населения, численность которого год от года уменьшалась. Города не исчезли, но оказались словно законсервированными на целое столетие. Расположенные вдали от крупных промышленных центров Сольвычегодск, Солигалич, Тотма с их архаичной социокультурной средой и сегодня продолжают существовать в качестве своеобразных заповедников, сохраняющих ценности эпохи своего расцвета. Поэтому вполне естественно стремление развивать их как зону лечения, отдыха, туризма. Воду озера Солёное, находящегося в черте Сольвычегодска использует в лечебных целях местный бальнеологический курорт. Величественные храмы и усадьбы, построенные по заказам Строгановых и других богатых промышленников, превращены в архитектурные памятники и музеи.

Несколько иначе сложилась судьба куста соледобывающих городов Северного Прикамья. В конце XVII – начале XVIII века они, говоря современным языком, перепрофилировались, стали важным плацдармом формирования горнозаводской цивилизации. Однако затем утратили и эту роль, уступив её Перми и Екатеринбург. В начале XX столетия произошёл в некотором смысле «солевой ренессанс» данного района. Здесь были разведаны большие запасы калийных солей, в которых нуждались промышленность и сельское хозяйство страны. Это придало определённый импульс промышленному развитию района, оживило хозяйственную жизнь, торговлю. Оказалось востребованным и богатое культурное наследие Соликамска, Усолья, Чердыни. Его стали рассматривать как ресурс, имеющий высокую потребительскую ценность. В последнее время, будучи центрами культурно-познавательного туризма и историко-краеведческих исследований, эти города в большей степени известны своей музеефицированной историей, нежели современной повседневностью.

Пушная цивилизация. Пушнина стала своеобразным аттрактором, притягивающим к себе русских первопроходцев с первых шагов на сибирской земле. В XVI – XVIII вв. она была для русского государства стратегически важным товаром. Большая её часть поставлялась на экспорт, существенно пополняя казну. С добычей пушнины так или иначе связано возникновение большинства первых сибирских острогов. Конечно, основной их задачей было утверждение основ государственности на вновь присоединённых землях. Но осуществление военно-оборонительных функций, сбор ясачных повинностей с коренного населения органично сочетались с пушной охотой, поскольку это были два топологически близких вида «властвования» над территорией.

Освоение Сибири было маршрутно-каркасным. Роль узловых элементов и выполняли остроги. Именно здесь были сформированы прообразы будущих институтов государственной власти, построены первые в Сибири храмы и монастыри, созданы очаги оседлой хозяйственной жизни. «Пушные» города стали опорными элементами Сибирского пути – важной торгово-промысловой магистрали, которую иногда называют «дорогой, создавшей Россию». В первом за Уралом городе этого маршрута – Верхотурье с 1600 по 1753 гг. была размещена таможня, предназначавшаяся для учёта и обложения налогом всей вывозимой из Сибири пушнины. Из-за этого Бабиновская дорога до середины XVIII века являлась единственным официально разрешённым путём в Сибирь.

Во второй половине XVIII века роль пушнины как стратегического товара начинает стремительно падать. Отсутствие ограничений на охоту привело к резкому сокращению численности популяций промысловых животных. Некоторые их виды были на грани истребления. В этих усло-

виях отечественная добыча пушнины не могла конкурировать с аналогичным промыслом, активно набравшим силу на Североамериканском континенте.

В хозяйственной жизни азиатской России сокращавшаяся добыча пушнины уступала место развитию промышленности, сельского хозяйства и кустарных ремёсел. Поэтому города, расположенные в местах разветвления Сибирского пути (Тюмень, Томск, Иркутск, Якутск), в силу своего удачного географического положения были лучше подготовлены к такого рода модернизации. Те же, что оказались на периферии новых экономических районов, утратили своё былое административное и хозяйственное значение и на долгие годы превратились в естественные заповедники архаичной культуры и традиционного жизненного уклада (Верхотурье, Тобольск, Тара, Енисейск).

И всё же пушная цивилизация не исчезла бесследно. Память о ней сохраняется в гербах многих «пушных» городов: соболь на гербе Верхотурья, бобр и лис на гербе Тюмени, горноста́й на гербе Тары, бабр, держащий в пасти соболя – Иркутск, песец на гербе Туруханска, лисица на гербе Салехарда и т.д. В некоторых городах – прежних центрах заготовки пушнины и по сей день существуют предприятия, специализирующиеся на разведении пушных зверей и изготовлении меховых изделий.

Но, конечно, этим значение пушной цивилизации не исчерпывается. Она стала не только средством упрочения экономического могущества страны, но и способом разведки и разметки территории Сибири. Пожалуй, единственным из возможных в тех условиях способом, адекватным огромному, слабозаселённому, неизведанному пространству. Будучи мощным стимулом продвижения русских первопроходцев на Север и Восток страны, она в то же время способствовала попутному аграрному освоению прилегающих земель, закреплению на них и тем самым – формированию первоначальной канвы расселения (рис. 2).

Горнозаводская цивилизация. К концу XVIII века в России был сформирован один из первых довольно чётко выраженных промышленных районов – Пермская губерния. Её становление связано со строительством крупных горных заводов и возникавших вокруг них городов.

Рис. 2. Основные маршруты распространения пушной цивилизации

К середине XIX века на территории Пермской губернии насчитывалось уже 260 таких городов-заводов. Это была чуть ли не половина всех промышленных поселений России [2, с. 37]. Сооружению горных заводов предшествовал почти полуторавековой период крестьянской колонизации края. Основной рабочей силой первых уральских городов-заводов и стали по большей части насильственно приписанные к ним крестьяне из близлежащих деревень. Здесь происходила переплавка крестьянской общины в промышленное сообщество [4, с. 45].

В отличие от пушной цивилизации, наметившей линейные маршруты простирания России, горнозаводская цивилизация способствовала формированию компактных локалитетов с довольно разветвлённой структурой производства-расселения (Рис. 3).

Иной стала и поляризация социального пространства. Если в городах-острогах основными градообразующими элементами были кремль, монастырь, приказная изба, дом воеводы и т.д., то фокусами пространства новых городов Урала становились заводы и такие светские учреждения, как Берг-коллегия, Горная канцелярия. Их место в культурном ландшафте Екатеринбурга и Перми отвечало принципиально иной архитектурно-градостроительной схеме, первоначально апробированной в Санкт-Петербурге, а затем модифицированной применительно к местным условиям.

В XIX и XX вв. прослеживается определённая дивергенция в развитии горнозаводской цивилизации. Часть предприятий оказывается на подъёме. На рубеже веков в них активно идёт техническое переоснащение, сопровождаемое социально-экономической модернизацией. Они органично воспринимают индустриальное обновление. Это характерно для заводов Перми, Нижнего Тагила, Екатеринбурга. Именно эти города стали форпостами последующих волн индустриализации Урала и Сибири: «капиталистической» конца XIX – начала XX века, социалистической индустриализации 30-х годов, развёртывания эвакуированных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны. Но наряду с предприятиями (и городами, где они были расположены), находившимися в авангарде перерастания горнозаводской цивилизации в индустриальную, на той же территории существовал архипелаг старопромышленных районов, где сохранялись на уровне раритетных ремёсел каслинское литьё, златоустовское оружие, сысертские изделия из самоцветов. Они и сейчас продолжают существовать, причём не на обочине цивилизации, а как полноценный самобытный слой цивилизационного ландшафта современного Урала.

В связи с этим считаем уместным сделать следующее отступление. Если О. Шпенглер считал цивилизацию смертью культуры, то в опыте освоения Урала и Сибири видим противоположное явление: затухающие (умирающие) цивилизационные волны оставляют после себя живой культурный слой. Так было с соледобычей, пушшиной, и, как видим, с горными заводами Урала. Причём важны не только артефакты и сохранившиеся промыслы. Главное, это воспроизводящиеся из поколения в поколение особенности жизненного уклада и самобытные нравы многих населённых пунктов.

Лесной цивилизационный комплекс. Как известно, Тюменская область была образована в 1944 году в результате очередной перекройки административно-территориальных границ в этой части страны. Основная её часть была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской области. По территории новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобь, казавшаяся непригодной для жизни и хозяйственной

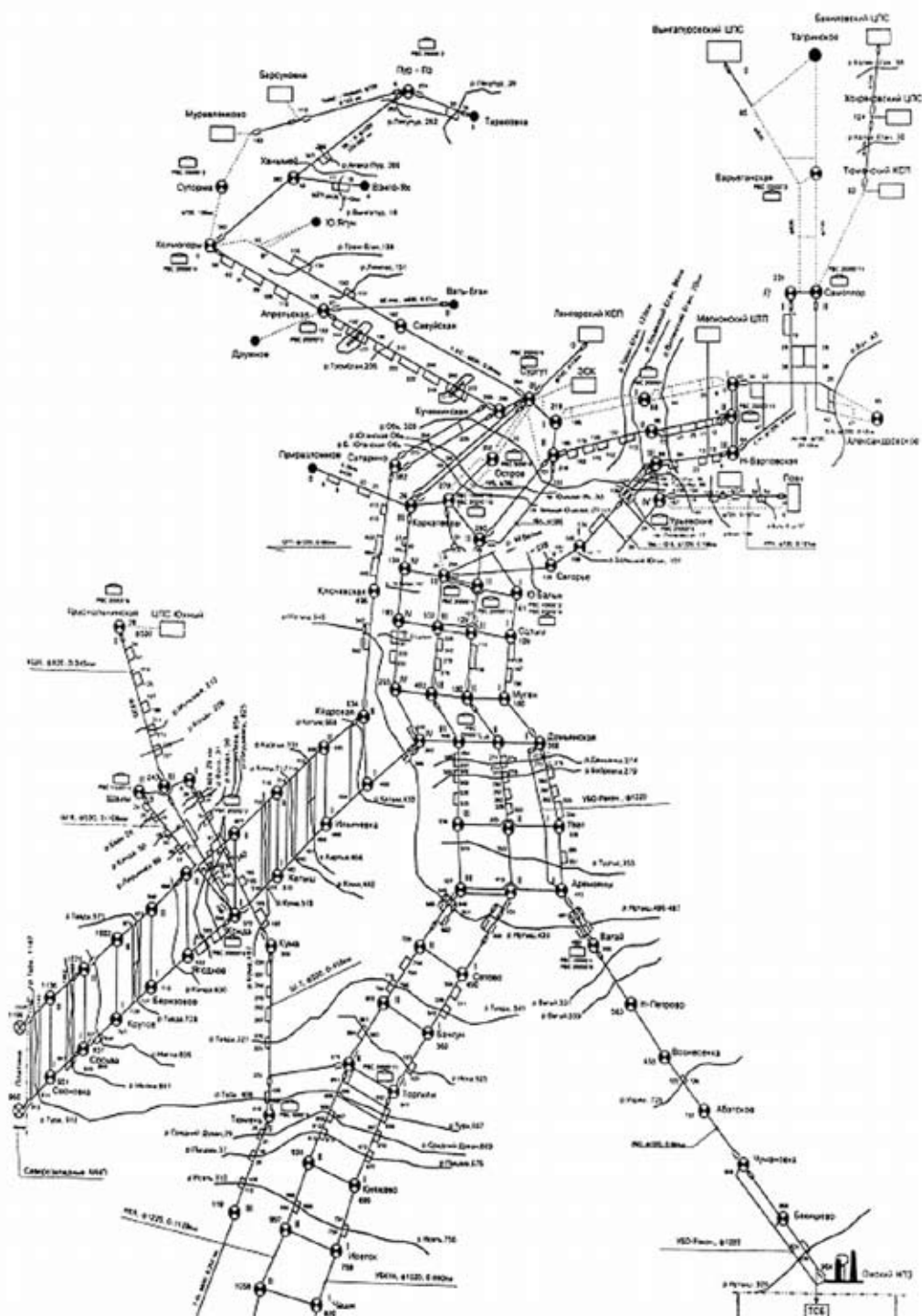

Рис. 3. Карта-схема Уральской горнозаводской цивилизации
XVIII – первой половины XIX вв.
(по Л.В. Баньковскому и Р.М. Лотаревой)

деятельности. Но это не совсем так. Около половины территории области сплошь покрыто лесами. Запас древесины в них оценивался в ту пору более чем в 6 миллиардов кубометров. Поэтому до открытия уникальных по своим запасам месторождений углеводородного сырья лесозаготовительная и деревообрабатывающая отрасли Тюменской области, по сути дела, определяли её промышленный облик [7, с. 8-14].

Впрочем, рассмотрение лесного комплекса с точки зрения истории и перспектив его цивилизационного развития – это отдельная самостоятельная задача, которую нам ещё предстоит решать. Что же касается воздействия данной цивилизационной волны на развитие нефтегазодобычи, то период активного индустриального переоснащения лесного комплекса в середине 60-годов и начальный этап индустриального наступления на нефтегазоносный Тюменский север не только совпали по времени и месту действия, но и в какой-то степени взаимообуславливали друг друга. Строительство железных дорог, связанные с этим изыскательские работы, развитие лесхозов и леспромхозов, их оптимальное размещение словно готовило территорию к активной геологической разметке и последующему возведению нефтегазового комплекса.

Нефтегазодобывающая цивилизация. Освоение нефтяных и газовых месторождений вызвало настоящую индустриальную экспансию огромных труднодоступных территорий, занимающих около одного процента мировой суши, привело к их массовому заселению.

Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного утопического сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории, игнорировавшая схему административного подчинения её фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции, основой будущего цивилизационного комплекса. По сути дела, происходило превращение области как административно-территориальной единицы – в регион, понимаемый как единица пространства цивилизационного.

Но для того, чтобы это превращение состоялось, нужно было достичь баланса между производственным принципом организации труда и поселенческой топологией внепроизводственной сферы. Если в промышленных районах Европейской части страны доминирование производственного принципа нейтрализовалось развитой поселенческой инфраструктурой (социальной, бытовой, культурной и т.д), то в Тюменской области всё происходило иначе. Монофакторная, а затем и корпоративно-ячейная структура закладывались в формы расселения изначально, на первом этапе освоения. Такая практика вряд ли была способна сформировать не то что общность со всем спектром удовлетворения социальных потребностей, но даже целостную региональную популяцию. Радиальная привязка к инстанциям управления только усиливала разобщённость отдельных (ведомственных) фрагментов территории. Если и про-

исходили в этих условиях общностные процессы, то лишь на уровне коллективов предприятий. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее, наоборот – автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция?

Постараемся ответить на него ретроспективно (в первом приближении) в двух аспектах: организационном, связанном со сменой организационных парадигм; и географическом, основанном на эволюции структуры расселения.

Период нового промышленного освоения 60-х годов был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса ещё не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооружённая совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 году были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). И если в ряде экономических районов этот процесс тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах всё разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов отрасли и, конечно же, для параллельной системы административно-территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных посёлков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности. Безусловно, нечто подобное было и на предыдущих этапах индустриализации. Но тогда, как правило, либо город планировался в самом начале, либо посёлок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утверждённые и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и к чему было создавать детальный социальный проект, если на месте всё как-то стихийно утрясалось. Вместе с тем не хотелось бы здесь говорить ни о крупных просчётах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупнённый проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт индустриальной утопии, когда упрощённость и абстрактность схем действия была рассчитана на определённый

состав исполнителей.

В соответствии с логикой индустриального освоения человек чувствовал себя на своём месте, будучи «обустроенным». Речь шла не только о месте жительства, но и обо всём комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. В качестве деривата производственной структуры стала оформляться социальная инфраструктура, включавшая жилищно-коммунальное хозяйство, службу быта, торговлю и общественное питание, здравоохранение и т.д. Понятно, что в обжитых районах она складывается естественно, постепенно, а поэтому неотделима от привычных условий жизни. В районах интенсивного промышленного освоения потребовалось специально её проектировать.

В определении стратегии такого проектирования столкнулись два крайних подхода (они словно разрывали матрицу первоначального заселения по двум её составляющим). Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности, на долговременное пребывание человека в суровых климатических условиях. Второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда: вахтового, экспедиционного или же их комбинации.

В споре между сторонниками различных подходов было сломано немало копий, но не было победителей. Ни одна из стратегий не осуществилась в чистом виде. У стратегии освоения-обживания было много аргументов, чтобы стать господствующей. Но и вахтово-экспедиционный метод, в том числе и в межрегиональном варианте (МР ВЭМ), несмотря на серию грозных запретов и категоричных постановлений, продолжал существовать.

Данный метод заслуживает того, чтобы сказать о нём особо. Элементы его в той или иной степени применялись в хозяйственной практике и раньше: на транспорте, в геологии, в линейном строительстве и т.д. Издавна существовали сезонные работы, привычными были поездки на заработки жителей перенаселённых районов. Бригады шабашников, студенческие строительные отряды работали в сходном трудовом ритме. МР ВЭМ явился индустриальным воплощением своих предшественников, адекватным именно ситуации интенсивного освоения. В подобном режиме вахтовики испытывали не только физические перегрузки. Резкая смена морально-психологического климата воздействовала на них не меньше, чем смена природно-климатических зон. Методы, подобные МР ВЭМ, называют нетрадиционными, и это достаточно точно отражает не только специфику организации труда, но и формы его регуляции. Традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта работает здесь «на излом». Некоторые нормы оказываются изъятыми из порождающих типичных ситуаций; жизнь вахтовиков протекает с определённым фазовым сдвигом относительно параметров социальной динамики как по месту жительства, так и по месту приложения труда. Длительное поддержание подобного ритма жизнедеятельности требует выработки особых форм регуляции поведения, общения, трудовых и бытовых взаимоотношений. Они отличаются высоким динамизмом, в большей степени индивидуализированы, чем у постоянных работников. Вахтовики превращаются в «летающую корпорацию» со специфическими приёмами «социальной сборки» и «демонтажа», с особым кодексом неагрессивного противостояния общественному мнению. Когда в середине 80-х годов вахтово-экспедиционный метод достиг своего апогея, это был особый канал социальной коммуникации между Тюменской областью и всей страной. По нему циркулировала рабочая сила и одновременно происходил обмен социальным и нравственным опытом. То есть можно говорить о своеобразном динамичном канале взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности, что является ещё одним моментом в

формировании особого духа Тюменской нефтегазодобывающей цивилизации.

Теперь обратимся к географическому аспекту, связанному с эволюцией структуры расселения региона. На рисунке расселения так или иначе отразились все предшествующие цивилизационные волны. И хотя соледобывающая и горнозаводская волны не пересекли нынешнюю границу Тюменской области, а только подступили к ней, они тем не менее спроецировали на территорию общие направления дальнейшего освоения и конфигурацию расселенческих локусов. Кроме того, эти локусы были «пронизаны» маршрутами пушной цивилизации.

Мы уже рассматривали достаточно подробно современную структуру расселения Тюменской области [3]. Поэтому ограничимся кратким изложением опубликованных материалов, добавив к ним некоторые новые результаты.

Данная структура включает в себя опорный каркас расселения (ОКР), объединяющий города – центры нефтегазодобычи и опорно-тыловые объекты юга области. В топологическом отношении каркас представляет собой Z-образную древовидную структуру с более или менее разветвленными участками на юге области и в среднем Приобье, а также участки фрагментарного развития: участок вокруг городов Няганы и Югорска, линейный элемент у города Салехарда и Лабытнанги, транспортная ветвь к рабочему посёлку Междуреченский.

Сложившаяся структура сформировалась как результат взаимодействия доиндустриальных цивилизационных волн и нового индустриального освоения периода нефтегазодобычи. Можно выделить по крайней мере три основных способа такого взаимодействия: *подавление, преемственность, компромисс*. Так, основной костяк каркасной структуры сформировался в период нового индустриального освоения путём *подавления* очаговых, дисперсных и иных доиндустриальных форм расселения. Наиболее разветвленные участки развивались как результат *преемственности* при смене схем освоения. А участки фрагментарного развития имеют в своей основе доиндустриальную схему с различной степенью последующего индустриального влияния.

Кроме основного каркаса и его дериватов, в структуру расселения входят относительно автономные расселенческие кластеры. Один из них представлен населёнными пунктами, тяготеющими к сети магистрального транспорта нефти и газа. Его автономность обусловлена не только особенностями заселения этих мест, но и спецификой территориальной организации транспортной сети. Основной принцип её развития в момент начала разработки нефтяных и газовых месторождений исходил из логики централизованного управления народным хозяйством и сложившейся специализации экономических районов страны. Считалось, что предприятия по подготовке и переработке углеводородного сырья должны быть сосредоточены в местах его массового потребления (те же, как известно, были удалены от мест добычи на тысячи километров). Кроме того, существенным в этой стратегии был экспорт нефти и газа за пределы страны. Потребовалось ускоренное сооружение сверхдальних нефте- и газопроводов, которые и по сей день определяют конфигурацию сети магистрального трубопроводного транспорта России и стран СНГ.

Транспортные артерии нефти и газа, берущие начало на Тюменских месторождениях, стали неотъемлемой чертой индустриального ландшафта области, поскольку значительная часть их русла проходит по её территории. Однако с точки зрения организующего воздействия на региональную систему расселения наиболее значимы наземные объекты транспортной сети. Это, прежде всего, нефтеперекачивающие и газокomppressorные станции (НПС и КС). На рисунках 4 и 5 представлены

схемы трубопроводов, на которых отмечены эти объекты.

Существует ряд методик по расстановке НПС и КС на трассе трубопровода [1]. Однако теоретические расчёты – это лишь предварительная намётка мест их размещения. Практика сооружения трубопроводов исходит из того, что перекачивающие станции предпочтительнее размещать вблизи населённых пунктов, источников энерго- и водоснабжения, существующей сети железных и шоссейных дорог. Кроме того, определённые требования предъявляются и к площадкам этих станций. Таким образом, в освоенных районах их местоположение задаётся изначально. Понятно, что в Тюменской области всё оказалось сложнее. Поскольку нельзя превышать верхнюю границу нормативного расстояния между двумя соседними станциями, выбор мест их расположения зачастую был связан с необходимостью возводить новые посёлки, сооружать там минимум объектов производственной и социально-бытовой инфраструктуры, заново прокладывать большинство коммуникаций. Но и в существовавших посёлках требовалась подчас серьёзная модернизация зданий, сооружений, производственных мощностей, да и всего комплекса жизнеобеспечения.

Основные характеристики магистральных нефтепроводов и газопроводов в границах Тюменской области на завершающем этапе формирования сети приведены соответственно в *таблицах 1 [9, с. 16] и 2 [8, с. 12]*.

Таблица 1.
Нефтепроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяжённость трассы, км	3395	4204	6178	6085
В однопутном исполнении, км	6275	8159	10684	10597
Количество нефтепроводов, шт.	12	20	32	34
Средний диаметр труб, мм	1057	1029	988	988
Количество НПС, шт.	60	80	83	83

Таблица 2.
Газопроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяжённость линейной части, км	9279	18024	27672	27790
Количество газопроводов, шт.	7	12	18	20
Средний диаметр, мм	1320	1369	1386	1395
Количество КС, шт.	27	42	50	50

С тех пор число населённых пунктов, где расположены наземные объекты сети, требующие постоянного стационарного обслуживания, осталось практически без изменения. Зато изменилось соотношение образующих поселенческих факторов. Правда, это почти не коснулось городов, но во многих сёлах и посёлках, в том числе пригородных, фактор обслуживания транспортной магистрали стал преобладающим, а порой и единственным.

Казалось бы, это весомые аргументы в пользу того, чтобы рассматривать сеть трубопроводов и притрассовые посёлки как линейную часть и узловое элементы опорного каркаса расселения. Но, несмотря на очевидное организующее значение трубопроводов, подобная структура не

Рис. 4. Схема нефтепроводов ОАО «Сибнефтепровод»

образует каркаса расселения в его классическом понимании [6]. Нефтегазовые магистрали нельзя назвать путями сообщения в обычном смысле. Не являются таковыми и дороги технологического назначения, проходящие вдоль трассы трубопровода. Пассажирское и грузовое сообщение между посёлками организовано по другим дорогам, а в ряде случаев осуществляется воздушным транспортом. Поэтому узловые элементы такого каркаса лишены двух основных функций: районообразующей и коммуникативной (фактора взаимодействия). То есть, за ними остаётся лишь освоенческая роль [5, с. 115]. Это, главным образом, расширение зоны влияния населённого пункта на прилегающую территорию, вовлечение её в хозяйственный оборот, а также использование в других целях, в том

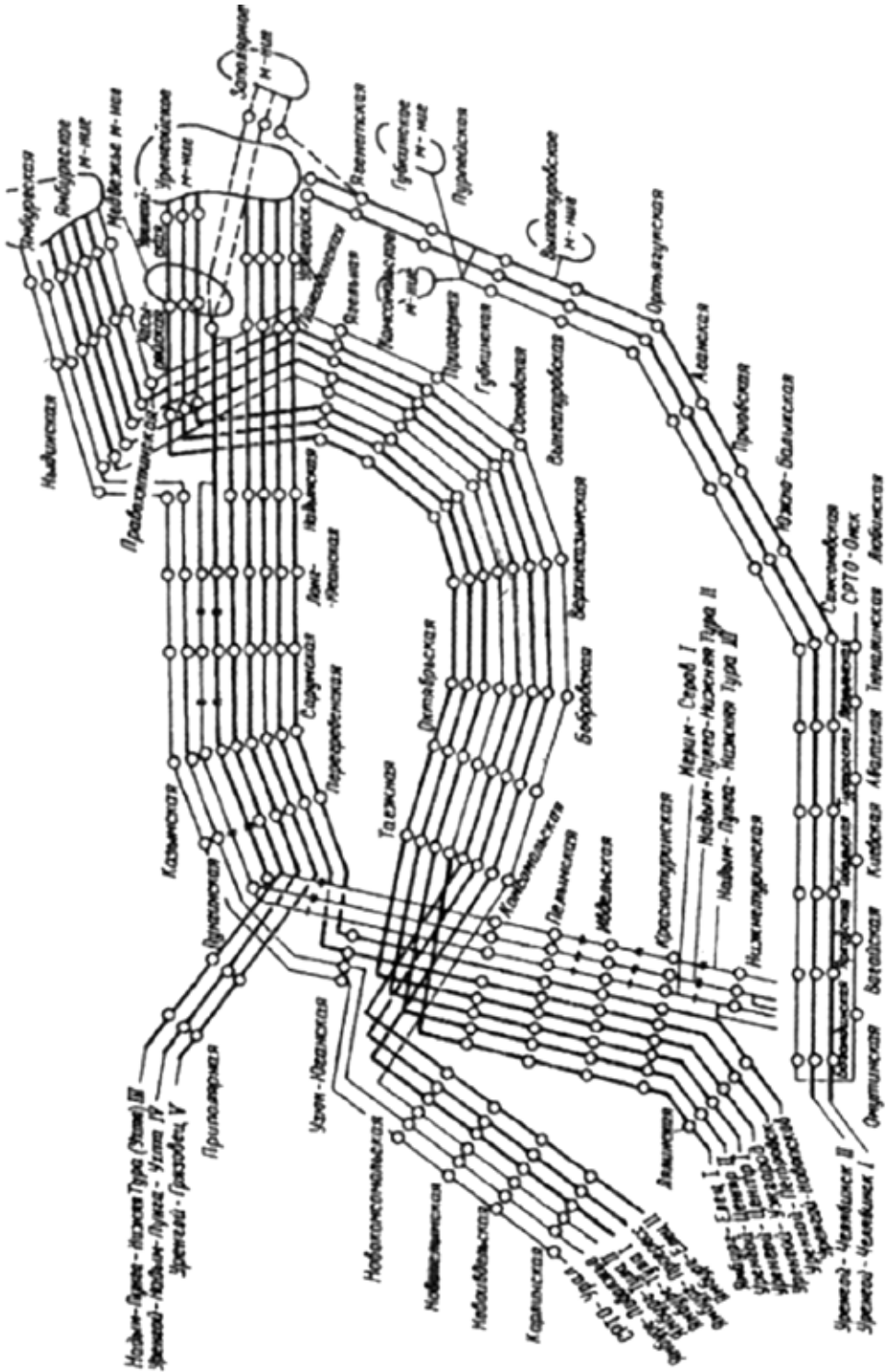

Рис. 5. Схема магистральных газопроводов Тюменской области

числе и рекреационных. В связи с этим и вся структура данного кластера по своим характеристикам ближе всего к каркасу освоения. Но этим её назначение не исчерпывается. Данная структура уникальна тем, что объединяет в себе как порождающие, так и консервативные механизмы воздействия на популяцию. Это своего рода *протокаркас*. С одной стороны, он способствует расширению сферы заселения и обживания территории, возникновению новых микрокаркасов расселения в пределах административного района и на межрайонном уровне, а с другой, сохраняет и закрепляет доминирующее положение притрассовых населённых пунктов в расширяющейся расселенческой схеме.

Специального рассмотрения заслуживает и вопрос о месте и роли данного кластера в социокультурном пространстве региона. Здесь может оказаться полезной аналогия с закрытыми городами, точнее с населёнными пунктами, входящими в категорию закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Их закрытость официально оговорена и предусматривает целый ряд запретов и ограничений.

Понятно, что в небольших населённых пунктах, расположенных вдоль трассы трубопровода, изолированность и закрытость совсем другого рода. Это, по сути дела, «другая Тюменская область», не столь многочисленная, малоизвестная, не слишком привлекательная, обделённая общественным вниманием. Но она заслуживает такого внимания. Подобно закрытым городам это место жизни и работы является специализированным, в нём тесно переплетены бытовая повседневность и высокая степень ответственности за результаты труда. От социального благополучия этих мест зависит многое, в том числе энергетическая и экологическая безопасность не только конкретного региона, но и всей страны.

В заключение отметим, что масштабная разветвлённая сеть магистральных трубопроводов и привязанная к ней многочисленная, рассредоточенная по территории области совокупность обслуживающих населённых пунктов по-настоящему уникальны. И хотя здесь, если не считать крупных городов, проживает менее 10% населения области, а в административно-территориальном, экономико-географическом, коммуникативном и других отношениях эти населённые пункты порой предстают как несвязанные, интегрирующая роль данного кластера несомненна. В составе разветвлённой структуры транспорта-расселения он не просто объединил отдельные рисунки расселения в общую картину, отвечающую задачам комплексного развития территории, но и сделал нечто большее: придал этой картине ожидаемое жанровое своеобразие – портрета нефтегазодобывающей цивилизации.

Литература

1. Алиев Р.А., Белоусов В.Д., Немудров А.Г. Трубопроводный транспорт нефти и газа. М.: Недра, 1988. 368 с.
2. Баньковский Л.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2004. – 202 с.
3. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. №3. С. 56-62.
4. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. – М.: Наука, 2000. – 261 с.

5. Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997. – 480 с.
6. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. №5. С. 16-28.
7. Решетников А.С. Тюменский лесной комплекс. Тюмень: ИЗА Пульс, 1997. – 312 с.
8. Эксплуатация магистральных газопроводов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 528 с.
9. Эксплуатация магистральных нефтепроводов. 3-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 661 с.